

Звон.

В ушах отозвался далекий, протяжный колокольный звон. Перед глазами мгновенно сгустилась тьма, черная, как лак, в которой не было ни единого проблеска света. Она зажмурилась, но, открыв глаза, снова увидела лишь непроглядную мглу.

Ходили слухи, что после смерти души смертных отправляются в Бездну Мэньюань. Су Цинцзюэ вспомнила те клинки из сгущенной энергии, которые грозили искромсать ее на куски, и поняла, что вряд ли уцелела. Неужели то странное лицо, что она видела перед тем, как провалиться во тьму, принадлежало стражу Бездны? Неужели она теперь там? Однако ночь в Бездне Мэньюань казалась неестественно тихой, лишь слабый, едва уловимый аромат холода витал в воздухе. Отбросив эти мысли, она села и прислушалась к своим внутренним каналам. Хлынувший по ним поток духовной энергии заставил ее вздрогнуть от изумления.

Разве это похоже на состояние умирающего? Ее жизненные силы били ключом, культивация не только не пострадала, но и перешла на новый уровень.

В этом мире существуют школы совершенствования, и их мастерство делится на четыре великие стадии: Стадия Обычного Воина, Стадия Духовной Пустоты, Стадия Малого Брахмана и Стадия Великого Брахмана. А выше них стоят Почтенный Ищущий Путь Высшего Бессмертия, Почтенный Предельного Пути и Почтенный Бессмертного Пути. Разница между каждой ступенью подобна пропасти между небесами и землей.

Су Цинцзюэ не ожидала, что на грани жизни и смерти, застряв на пике Стадии Малого Брахмана, она совершит прорыв к Стадии Великого Брахмана. Эта ступень позволяла развивать силу духовного сознания, а обладатели мощного сознания могли проникать в пустотные миры. Вероятно, именно поэтому она видела те видения из прошлого.

Судьба и случайности в этом мире всегда причудливы. Кто-то обретает просветление от звука цитры, кто-то совершает прорыв в пылком споре, а кто-то достигает пути бессмертия через искусство виноделия. Эти диковинные истории вызывают зависть у многих, но в мире куда больше тех, кто годами изнуряет себя в тщетных попытках постичь Дао, застряв на месте и не в силах преодолеть узкое горлышко своего таланта.

Су Цинцзюэ нахмурилась, на ощупь спустилась с кровати, и тут в дверях послышался тихий скрип.

— Ты очнулась.

Голос был чистым и ясным, словно горный ручей или дуновение ветра в лесу.

Она узнала этот голос. Су Цинцзюэ убрала руку с Мешочка Цянькунь и села на край кровати:

— Цзинь Юйлю?

Цзинь Юйлю коротко отозвался, закрыл дверь и подошел к столу. Налив чаю, он протянул ей чашку:

— Пей.

Хотя он сменил свой пугающий наряд, на его лице по-прежнему была маска — куда более изящная, чем прежняя.

Су Цинцзюэ, не видя ничего, протянула руку, но пальцы прошли мимо. Цзинь Юйлю едва заметно двинул рукой, и край чашки коснулся ее кончиков пальцев.

Ощутив тепло, Су Цинцзюэ обхватила чашку и спросила:

— Почему ты не зажжешь свет?

Цзинь Юйлю достал что-то из-за пазухи:

— Твои глаза переполнены застоявшейся энергией, три дня ты не сможешь видеть. Сейчас твои зрачки ярко-алые, лучше прикрой их этим.

В этом мире странные глаза считались признаком демона или чудовища. Алый цвет — предвестник падения во Тьму, и мир никогда не был милосерден к тем, кто наделен подобными чертами.

Но если она смогла выжить в смертельной ловушке, то разве слепота на три дня — это такая уж большая цена?

Су Цинцзюэ взяла предмет одной рукой, а другой подняла чашку. Внезапно она почувствовала, как в ладонь легло что-то мягкое. Сжав пальцы, она спросила:

— Который час?

— Час Хай, — Цзинь Юйлю отступил на шаг. — Мы в постоялом дворе в городе. Ты пострадала... — он не успел договорить, как она резко вскочила. Чай в ее руках вздрогнул и расплескался, но, к счастью, был не обжигающим, и она не обожглась.

Цзинь Юйлю замолчал, а затем спросил:

— У тебя срочное дело?

Срочным это не назовешь, но Юй Люгуан сопровождал ее всю дорогу, и они впервые расстались на целый день. Лишь бы ничего не случилось.

Постояв немного, Су Цинцзюэ покачала головой, снова села и положила руки с чашкой на колени.

— Это ты спас меня и помог совершить прорыв?

— Прорыв в культивации — это твоя удача, а не моих рук дело, — Цзинь Юйлю сменил тон. — Зачем ты разрушила барьер?

Раз он спрашивает, значит, что-то знает. Су Цинцзюэ не собиралась рассказывать правду о том, что причина крылась в Клане Цзян. Она ответила полуправдой:

— Под землей был барьер, мне стало любопытно, вот я и... Ты знал об этом барьере?

Цзинь Юйлю промолчал. Су Цинцзюэ подождала, пока он наконец не произнес:

— Тот барьер — часть Массива Притяжения Десяти Тысяч Явлений. Разрушив его, ты нарушила работу массива. Это равносильно объявлению войны всем сектам бессмертных.

Этот массив был создан великим мастером тысячи лет назад, чтобы с помощью сил земных жил подавлять демоническую энергию Юду. Массив был залогом безопасности как людей, так и демонов. Су Цинцзюэ не думала, что барьер настолько важен. Вероятно, его молчание было вызвано сомнениями в ее словах.

Секта Усян — почтенная праведная организация. Если его сочтут врагом, будет худо. Она поспешила объяснить:

— Я не знала, что это защитный барьер.

Незнание — не преступление, но Цзинь Юйлю лишь сухо бросил:

— Будь осторожна в будущем, не натвори беды.

Защитный барьер, обладавший мощью атаки и обороны, вчера едва не стоил ей жизни. Су Цинцзюэ не хотела повторять этот опыт. Видя, что его подозрения улеглись, она кивнула и спросила:

— Как ты здесь оказался?

Вчера он уже ушел со своими людьми, но вернулся и случайно спас ее. Должна быть причина.

Цзинь Юйлю не стал скрывать:

— В мире три вида энергии: духовная, энергия обиды и энергия зла. Люди и демоны-культиваторы питаются духовной энергией, а Демоны — энергией зла. Обычные люди не практикуют Дао, но порождают обиду. Обида — это навязчивая мысль умершего, подобная демонической скверне. Демоны не оставляют попыток прорваться в наш мир и часто используют человеческую обиду, чтобы ослабить массивы. В Секте Усян на барьерах стоят печати, и если с барьером что-то случается, секта узнает об этом мгновенно.

Оказалось, виновницей была она сама. Су Цинцзюэ беспомощно вздохнула:

— Благодарю за хлопоты.

Цзинь Юйлю помолчал и внезапно сказал:

— Ты из Клана Цзян.

Он всегда говорил прямо и по существу, и в их редких разговорах это было заметно, но прямое обвинение заставило сердце Су Цинцзюэ пропустить удар. В ее обычно спокойных глазах мелькнуло потрясение, она нахмурилась:

— Из Клана Цзян?

Цзинь Юйлю чуть повернул голову:

— Печать на твоей душе.

Члены Клана Цзян с рождения несли на себе печать, выжженную на самой душе. Ее невозможно стереть, но она сделала это два года назад. К тому же, когда она выбралась из Юду, Печать Подавления Души не отреагировала.

Пальцы Су Цинцзюэ едва заметно дрогнули, голос стал глуше:

— Откуда ты знаешь?

— Когда печать стирают, остаются следы.

Его голос был ровным, но от его слов по телу пробежала дрожь.

Глаза Су Цинцзюэ не видели, но ее алый взгляд казался пугающим. Она моргнула, вспоминая нестерпимую боль, когда она вырывала печать из своей души, и ее глаза потемнели:

— В тот день в Юду ты уже знал, кто я? То, что я смогла выйти через Платформу Поиска Духа — твоя заслуга? Твои талисманы?

— Верно.

Сердце Су Цинцзюэ упало.

В Юду ученики сект входили и выходили по нефритовым жетонам. Чтобы выбраться, она долго искала путь, пока не почувствовала дрожь земли и не поспешила туда.

Добравшись до Каменного Леса, она увидела человека, чье тело было изувечено обломками скал. Демоническая энергия поглотила его, духовная жемчужина разбилась, жизнь угасла. Она приняла его облик и только так сумела спастись.

А три года назад она встретила с Цзинь Юйлю, пытаясь найти способ стереть печать. Кто бы мог подумать, что он узнает ее именно по тем методам, которые она использовала.

Цзинь Юйлю произнес:

— Печать стерта, она больше не подвластна Печати Подавления Души, но следы остались. Обычный человек их не заметит.

Обычный не заметит, но кто-то все же заметил, верно? В глазах Су Цинцзюэ появилось нечто многозначительное.

Цзинь Юйлю словно прочел ее мысли:

— О чем ты думаешь?

Даже будучи слепой, она чувствовала его взгляд. Он был единственным, кто знал ее тайну. Мимолетная мысль о том, чтобы устранить свидетеля, промелькнула в голове, и, судя по всему, он ее разгадал.

— Ни о чем.

Ее лицо было бесстрастным, будто той кровожадной мысли и не было вовсе.

Цзинь Юйлю помолчал и спросил:

— Три года назад, Цзян Цзиньлан — это была ты?

Одна беда за другой. Для Су Цинцзюэ, которая отчаянно пыталась порвать связи с Кланом Цзян, раскрытие ее личности было подобно клетке, из которой невозможно выбраться. Она нахмурилась и промолчала.

Цзинь Юйлю, видя ее молчание, добавил:

— Ее печать все еще на месте.

Су Цинцзюэ удивилась:

— Ты искал ее?

Цзинь Юйлю ответил равнодушно:

— Мы виделись однажды.

— Ты... — Су Цинцзюэ на мгновение потеряла дар речи. — Ты что, ходил сводить старые счета?

Цзинь Юйлю ответил:

— Это не имеет отношения к делу. Два года назад я услышал о Барьере Фэньцзи на Горе Цзюю и по стечению обстоятельств встретил ее.

Узнав, что он не держит зла, Су Цинцзюэ успокоилась и призналась:

— У меня нет такой силы. Барьер Фэньцзи — дело рук артефакта, Меча Цаньшан.

Цзинь Юйлю не ответил, а Су Цинцзюэ спросила:

— Цзян Цзиньлан просила тебя о секретной технике удаления печати?

В свое время А-Цзю пробралась в подземный дворец именно ради этого. Раз она встречалась с учеником Секты Усян, она не упустила бы шанса.

— Она упоминала об этом, но я ей не дал.

Так и есть. Похоже, Клан Цзян не знает, что она стерла печать. Подумав, Су Цинцзюэ

спросила:

— Ты не сказал им, что дал мне технику?

— Это дело серьезное. В тот день, когда я встретил Цзян Цзиньлан, под ее личиной скрывались двое. Мне это показалось странным, и я решил сделать вид, что ничего не знаю.

Благодаря ему она смогла скрыться в мире, но...

— У Цзян Цзиньлан острый ум. Тот талисман, что ты дал мне, должен быть у нее.

Цзян Цзиньлан не могла не заинтересоваться. Цзинь Юйлю подтвердил:

— Она спрашивала, как пользоваться талисманом, сославшись на то, что забыла. Я ответил, что он защищает от одной беды.

Применение он описал верно. Но с тех пор, как она покинула Юду и до города У, он знал, кто она, и только сейчас сказал об этом. Зачем?

— Почему ты не сказал об этом на Горе Цзюю?

— Ты тоже знала, кто я. Почему ты не сказала? — вопросом на вопрос ответил Цзинь Юйлю.

Су Цинцзюэ промолчала. Вернувшись в мир людей, она не хотела лишних проблем, к тому же между ними были старые счеты. Зачем напрашиваться на неприятности? Если бы не история с барьером, она бы и не узнала, что он давно все понял.

— А почему сегодня решил сказать?

Цзинь Юйлю помолчал, его голос стал тише:

— Судьба переменчива, карты жизни меняются непредсказуемо. То, что кажется неясным, становится предопределенностью. Я не думал, что мы встретимся так скоро.

Первая встреча была случайностью, вторая — стечением обстоятельств. Если бы они не пересекались, не было бы и судьбы. Цзинь Юйлю молчал все это время, вероятно, не надеясь, что их пути снова сойдутся.

Су Цинцзюэ пожалела, что вчера полезла выяснять про барьер. Если бы не это, они бы разошлись как чужие люди. Ошибка на ошибке. Но случайна ли их судьба или это чья-то игра?

— Что ты называешь предопределенностью?

Цзинь Юйлю поднял голову, и его взгляд, казалось, стал осязаемым:

— Ты отнимешь у меня жизнь.

Эти слова прозвучали как удар грома. Су Цинцзюэ замерла, не зная, что и думать. Спустя мгновение она ответила:

— Зачем мне отнимать твою жизнь? У нас нет вражды. А если и есть старые обиды, то это я перед тобой в долгу.

Цзинь Юйлю слегка кивнул:

— Так было в моих снах. Я тоже не могу это разгадать.

— Снах? Ты видел меня во сне? — удивилась она.

— Да.

Сны порождаются мыслями. Как они, едва знакомые люди, могли присниться друг другу?

— Что было в том сне?

Цзинь Юйлю, казалось, не хотел об этом говорить. Помолчав, он произнес:

— Иное пламя, которое поглотило меня дотла.

Сколько же нужно ненависти, чтобы сжечь человека заживо? Су Цинцзюэ поджала губы:

— Это я разожгла огонь?

— Именно.

— ...

Су Цинцзюэ смотрела в пустоту, но ее лицо стало непривычно серьезным:

— Я не знаю, что произойдет в будущем, но у нас нет вражды. Я не убью тебя.

Задумавшись, она добавила:

— А ты? Ты хочешь отнять мою жизнь сейчас?

Цзинь Юйлю слегка вздрогнул, но ответил обычным тоном:

— Пока это лишь неизвестность. Судьба еще не свершилась. Я сам хочу узнать, что это за предопределенность, поэтому не буду рубить корни. Пусть все идет своим чередом.

Даже если он так говорит, на кону жизнь, нельзя ошибиться. Сначала она хотела убить его, чтобы скрыть следы, а теперь боится, что он убьет ее. И правда, колесо фортуны вертится. Су Цинцзюэ помедлила и искренне сказала:

— Спасибо.

Это «спасибо» запоздало на несколько лет.

Три года назад на Собрании Шпилек в Секте Хэнъян собрались представители всех великих школ. Су Цинцзюэ выбралась из дворца, приняв облик Цзян Цзиньлан, и отправилась туда с учениками Секты Тяньянь. Ее целью было не только прославить Цзян Цзиньлан, но и личные интересы — Секта Усян.

Их наряды были самыми странными: ученики носили маски, не показывая лиц, и никто не мог с ними заговорить. Су Цинцзюэ видела, как многие получили отказ, и два дня ломала голову, пока на третий день в толпе высоких фигур не заметила того, кто был на полголовы ниже. Интуиция подсказала: это юноша.

Весь день следя за ним, она поняла: он молод, культивация невысока, а здоровье слабое. Но его искусство владения бумагой было непредсказуемым. Отказавшись от мысли применить силу, она решила действовать хитростью.

В отличие от своих братьев, он был на удивление терпелив, хотя говорил не самые приятные вещи. Когда к нему приходили за талисманами от болезней, он давал их, но тут же бросал: у тебя скрытый недуг, нужна помощь лекарств. А когда спрашивали, что за недуг, он отвечал, что не врач и не знает. И, взмахнув рукавами, уходил, оставляя человека в недоумении.

Когда женщины пытались заигрывать, надеясь сорвать маску, он без гнева цитировал устав секты, упоминая вред «печей» для культивации, и советовал блюсти себя. Женщины, краснея от стыда, убегали.

Когда в Зале Юймин другие школы начали провокации, высмеивая их одеяния, он спокойно ответил: «Люди видят в людях людей, демоны — демонов. А если человек видит в людях демонов, значит, его глаза больны, а сердце очерствело, раз он путает черное с белым».

Эта прямота задела многих, и те, кому Секта Усян была не по душе, тут же накинулись на него.

Су Цинцзюэ стояла в стороне. Ей тоже было любопытно, как они видят и пьют через маски, которые плотно прилегали к лицу? Но она не была глупа, чтобы подливать масла в огонь.

В конце концов, они решили устроить состязание в вине. Девять сортов духовного вина Зала Юймин. Чем выше ранг, тем чище энергия. Говорили, что девятый сорт может поднять культивацию на уровень, если, конечно, не разорвет тело.

Су Цинцзюэ, как и другие, выбрала мягкую цель, но этот «мягкий плод» оказался с характером.

Ученики Школы Тяньшань указали на девять чаш:

— Раз уж пришли в Зал Юймин, негоже не выпить. Или ты презираешь вино Секты Хэнъян?

Цзинь Юйлю ответил голосом, подобным звону нефрита:

— Вино Секты Хэнъян прекрасно, но нам запрещено пить. Раз вы так любите вино, девятая чаша для вас — пустяк.

Кто-то рассмеялся:

— В каждой секте свои правила. Если вы не пьете, вы нарушаете правила Секты Хэнъян.

— Раз это правила Секты Хэнъян, я, будучи учеником Секты Усян, обязан следовать правилам своей секты, — отрезал Цзинь Юйлю.

Ситуация накалялась. Ученики Секты Хэнъян вмешались:

— Раз у господина запрет, может, найдете друга, который выпьет за вас?

Су Цинцзюэ не упустила шанс:

— Я выпью за него.

Все замолчали. Цзян Цзиньлан была из Секты Тяньянь, и те, кто затеял спор, помрачнели.

Су Цинцзюэ подошла к Цзинь Юйлю и прошептала:

— Я пью за тебя, а ты лечишь меня.

— Ты здорова, — ответил он.

— У меня неизлечимая болезнь, помочь можешь только ты. По рукам?

Не дожидаясь ответа, она повернулась к зачинщикам:

— Я принимаю вызов за него. Кто из вас готов?

Дуань Хэнъя из Школы Тяньшань вышел вперед:

— Я.

— Раз уж играть, так по-крупному, — улыбнулась она. — Девять чаш — это скучно. Давай каждый по девять?

Девять чаш — это либо прорыв, либо смерть. Все замерли, наблюдая за безумием.

Цзинь Юйлю вдруг подошел ближе:

— Это не шутки. Не нужно этого делать.

Су Цинцзюэ взглянула на него:

— Я пришла за этим и заодно делаю тебе одолжение. Не забудь вернуть.

Цзинь Юйлю замолчал.

— А как же он? — спросил он, имея в виду противника.

— Ты переживаешь за него? — усмехнулась она. — Жизнь — это не игрушка. Он принял вызов, значит, уверен в себе. Верно?

Дуань Хэнъя нахмурился и кивнул. Су Цинцзюэ хлопнула в ладоши:

— Подавайте вино!

Цзинь Юйлю отступил, наблюдая за происходящим.

Она пила одну чашу за другой, небрежно и легко. Дуань Хэнъя же был предельно осторожен, он нюхал вино, проверял каждую чашу. Пока он колебался, Су Цинцзюэ с помощью своей энергии впитывала духовную силу вина.

Это была игра на выживание. Дуань Хэнъя, выпив седьмую чашу, покраснел, пот покрыл его лоб, глаза налились кровью.

Су Цинцзюэ же оставалась спокойной. Выпив последнюю чашу, она улыбнулась:

— Падай.

Сказав это, она закрыла глаза. Дуань Хэнъя рухнул. Ученики Секты Тяньшань унесли его, а Су Цинцзюэ, не дожидаясь реакции толпы, обернулась к Цзинь Юйлю:

— Идем.

Выйдя из зала, она призвала меч:

— Залезай.

Цзинь Юйлю прыгнул на меч:

— Ты правда в порядке?

— В полном. Теперь твоя очередь возвращать долг. Секрет удаления печати.

После долгого молчания он наконец спросил:

— Зачем тебе это?

— Клан Цзян хочет моей смерти. Только так я выживу.

Снова молчание. Она уже хотела вытянуть секрет силой, но он внезапно ответил:

— Никогда не говори об этом другим.

Она поспешила согласиться:

— Договорились. Об этом будем знать только мы двое.

Цзинь Юйлю больше не колебался. Су Цинцзюэ, облегченно вздохнув, направила меч к берегу моря.

Ночь, бескрайнее небо, полная луна. Море сияло, как зеркало, под шум волн.

Приземлившись, Су Цинцзюэ протянула руку.

Цзинь Юйлю коснулся ее ладони своим длинным белым пальцем.

В ее сознании возникли письмена, а затем голос Цзинь Юйлю:

— Удаление печати — это девять шансов на смерть из десяти. Ты уверена?

— Да, — ответила она.

Он убрал руку, и на ее ладони остался талисман.

— Используй его в массиве, он защитит тебя.

— Благодарю, даю.

Ситуация была критической, и Су Цинцзюэ не стала отказываться. Она с радостью приняла дар, а затем махнула рукой:

— Мне нужно немного попрактиковаться, даю, возвращайся пока.

Цзинь Юйлю на мгновение замялся, а потом спросил:

— Почему ты доверяешь первому встречному?

Су Цинцзюэ, пребывавшая в приподнятом настроении, нахмурилась:

— Эта тайная техника... она что, поддельная?

Цзинь Юйлю покачал головой:

— Для усвоения духовного вина требуется время. Даю, делай как знаешь, а я откланяюсь.

Секта Усян — достойная организация, их ученики вряд ли станут лгать, верно? Су Цинцзюэ

подозрительно кивнула. Дождавшись, пока он уйдет, она села, скрестив ноги, сложила пальцы в мудру и начала медленно направлять духовную энергию, которая неистовствовала в её теле из-за выпитого вина.

Девятиранговое духовное вино, глоток которого дарует вознесение — слухи не лгали, однако усвоить его оказалось непросто.

Она погрузилась в медитацию с головой, достигнув состояния забвения. Тело её было здесь, на берегу, но дух парил в бескрайних просторах, а окружающий мир словно растворился в небытии.

Когда она открыла глаза, бледная луна уже клонилась к закату, а на небе мерцали редкие звезды. Су Цинцзюэ снова зажмурилась, скрывая красноватый отблеск в зрачках. Шум прибоя не утихал, морской бриз был свеж, догорающий костер почти погас, а рядом лежал Цзинь Юйлю.

Увидев, что он вернулся, она с любопытством подалась вперед, чтобы рассмотреть его, но человек не шевелился, словно не замечая её присутствия.

Выражение лица Су Цинцзюэ изменилось. Она протянула руку и похлопала его по плечу:

— Даю? Даю?

Лежащий по-прежнему не подавал признаков жизни. Су Цинцзюэ потянулась к его маске, но на полпути пальцы дрогнули. Отбросив мысль сорвать её, она опустила руку и коснулась его запястья.

Пульс был ровным, никаких отклонений. Су Цинцзюэ внимательно осмотрела его, а затем приложила указательный палец к его переносице. Стоило её духовному чутью коснуться его, как некая сила тут же отбросила его назад. В глубине души этого человека скрывался дух — для любого совершенствующегося это было уязвимым местом, не терпящим чужого вмешательства.

Попытка ничего не дала, и Су Цинцзюэ нахмурилась. Следов борьбы вокруг не было, его тело казалось здоровым, но он не просыпался. Что же происходит?

Поразмыслив некоторое время и не найдя ответа, Су Цинцзюэ поднялась и отряхнула песок с одежды. Она молча посмотрела на горизонт. На востоке уже занималась заря, небо светлело. Приняв решение, она пробормотала, опустив взгляд:

— Поспи немного, даю. Как только я одержу победу, я вернусь и выкопаю тебя.

Воспоминание промелькнуло в одно мгновение. В тот день она не отправила его обратно, а

вырыла яму на месте, установила барьер и закопала его, из-за чего он пропустил Турнир Шпилек. А сама она, обещавшая вернуться, в финальной битве за первенство потеряла сознание на несколько дней и очнулась уже в подземном дворце.

Видимо, так выглядит неблагодарность за добро. Хотя мастерство Цзинь Юйлю было не самым выдающимся, его техники были невероятно сильны, и если бы не та случайность, они наверняка сразились бы на одной арене.

Прошло три года. Встретившись вновь, Су Цинцзюэ опустила глаза, чувствуя необъяснимую неловкость из-за того старого долга.

На её слова благодарности Цзинь Юйлю не отреагировал, лишь сказал:

— Год назад клан Цзян потерял свой божественный артефакт — Меч Цаньшан. Они назначили огромную награду за поимку вора по имени Цзян Шуюй. Ты и есть этот человек?

Выйдя из Юду, Су Цинцзюэ слышала об этом деле в постоянных дворах, поэтому и опасалась духа Меча Цаньшан. С того момента, как на Горе Цзюю она увидела печать в форме лотоса, она интуитивно почувствовала, что это направлено против неё. Но как клан Цзян узнал её настоящее имя, если они не должны были знать о её происхождении? Этот вопрос не давал ей покоя. Поняв, что скрываться больше нет смысла, она с досадой ответила:

— А если да, то что ты сделаешь?

— Твои распри с кланом Цзян меня не касаются.

Су Цинцзюэ опешила:

— Тогда зачем ты мне об этом сказал?

— Сейчас ты обладаешь лишь половиной души, будь осторожна.

Ощущение, что тебя видят насквозь, лишало возможности защищаться. Су Цинцзюэ чувствовала, что перед этим человеком она абсолютно беспомощна. Тяжело вздохнув, она спросила:

— Когда я снимала печать, Сосуд Очищения Души вытянул половину моего духа. Если я верну её, что будет с печатью на той части души?

Цзинь Юйлю ответил:

— Ничего не случится.

Поскольку и тайную технику, и талисманы дал он, его словам можно было верить. Она потеряла глаза — непроглядная тьма перед ними все еще доставляла неудобства.

— Ты ведь не воспользуешься моментом, чтобы лишить меня жизни?

После нескольких вопросов Цзинь Юйлю понял её тревогу. Помолчав, он произнес:

— Если бы я хотел убить тебя, разве ты была бы сейчас в безопасности?

Это было правдой. Если бы он хотел, зачем ему было спасать её?

Су Цинцзюэ немного успокоилась и перевела тему:

— Почему той ночью ты вернулся и потерял сознание?

Цзинь Юйлю, казалось, не хотел обсуждать это, и сменил направление беседы:

— В переулке Вэньлю к югу от города живет человек, который знает всё о здешних делах. Если ты ищешь кого-то, можешь спросить его.

Они оба оказались здесь из-за поисков, но с тех пор, как Су Цинцзюэ узнала, что тот человек — не Юй Люгуан, она почти забыла об этом. Она кивнула и спросила:

— Благодарю за совет. Но все же, почему ты спас меня?

— На турнире ты первой помогла мне выбраться из затруднительного положения. Хотя мне это приснилось в видении, события не относились к сегодняшнему дню, так что не бери в голову.

В тот день Су Цинцзюэ помогла ему не без причины. Такая прямота Цзинь Юйлю заставила её почувствовать себя неловко. Она больше не стала говорить, поставила чайную чашку, накрыла глаза белой повязкой и, поднявшись, попрощалась.

Слепому человеку должно быть тяжело передвигаться, но её шаги были тверды, лицо — спокойно, ни тени растерянности, словно она видела, как обычный человек.

Цзинь Юйлю наблюдал за ней некоторое время, и лишь когда она была готова столкнуться со столом, подал голос, чтобы предупредить.

Они остановились в постоялом дворе, и, по несчастью, номер был на втором этаже. Су Цинцзюэ шла, опираясь рукой о стену, и постояльцы, видя это, вежливо уступали ей дорогу. В конце коридора начиналась деревянная лестница. Она затаила дыхание, прислушиваясь к шагам людей — тяжелым, легким, беспорядочным. Постояв мгновение, она сделала шаг на лестницу.

— Семь ступеней вниз.

Голос Цзинь Юйлю раздался снизу. Су Цинцзюэ расслабилась, положила руку на перила и больше не колебалась.

— Три шага влево, одна ступень вниз, два шага.

— Восемь ступеней вниз.

— Девушке трудно ходить, если не возражаете, я могу помочь.

Когда она спустилась на третью ступень, снизу раздался мягкий, обходительный голос.

Су Цинцзюэ покачала головой, не останавливаясь, и продолжила мысленно считать шаги.

— К чему такая вежливость, госпожа? Если вы будете идти так весь день, хозяину заведения не удастся поработать?

Раздался другой голос — женский, звонкий, но звучавший весьма нетерпеливо.

Су Цинцзюэ нахмурилась, но не ответила.

— Эй, может, она немая?

— Младшая сестренка, как ты можешь придирается к слепой? — раздался мужской голос.

— Хм.

Девушка фыркнула и замолчала.

Шесть, семь, восемь.

Стоило Су Цинцзюэ твердо встать на пол, как она почувствовала легкое движение рукава, а затем ощутила внешнюю поддержку. Рядом раздался голос Цзинь Юйлю:

— Иди за мной.

Су Цинцзюэ расслабилась и, приняв помощь, последовала за ним.

Ночное небо было бескрайним, усыпанным яркими звездами. Летающий меч прорезал воздух, направляясь к южной части города.

<http://bllate.org/book/22455/2361147>